



Глава шестая

ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН

Тридцать тиранов окружали Сократа — и не сломили его мужества. — Разве дело в том, сколько господ? Рабство всегда одно! Кто его презрел, тот и в толпе повелителей будет свободен.

С е н е к а



хотя Сократу возбранял его даймоний заниматься политикой, пришлось и ему, дабы уважить избравших его земляков, послужить не только философской, но и гражданской истине на посту высоком и почетном — притана * в тяжкую пору военных неудач.

* Афинский Совет Пятисот делился на десять «пританий» по 50 человек, каждая из которых по очереди председательствовала в Совете в течение $\frac{1}{10}$ года.

Тяжело приходилось афинянам как никогда, ибо все развалился Морской союз, и Афины сражались один на один со спартапцами и помогавшими им персами. И терпели афиняне поражение за поражением, и крупнейшее из них — у мыса Нотий*, где спартапский полководец Лисандр потопил немалое число афинских кораблей; не оправдал надежд и всеобщий любимец Алкивиад: ему хотя и удалось разбить ионянский флот у острова Андроса**, но ни сам Андрос, ни остров Хиос покорить не сумел, а значит, из войны, как обещал, Ионию, не вывел.

И раздраженные неудачами афиняне ожесточились до того, что даже пленных эллинов нередко обращали в рабство, а то и казнили, а тем, кого оставляли в живых, было решено по совету стратега Филокла отрубать большой палец на правой руке, дабы могли они быть гребцами, но не копьemetателями; и тот же Филокл, захватив однажды два вражеских корабля, приказал плененных матросов живыми сбросить в пропасть.

И не радовали афинян редкие военные успехи, так что, когда, с великим трудом снарядив последние сто десять триер (экипажи которых набирали даже из метеков*** и рабов с обещанием дать тем и другим право гражданства), вышли афиняне в море и в сражении у Аргинусских островов**** разбили вражеский флот, потопив девять из десяти спартапских кораблей и шестьдесят кораблей их союзников, в Афинах вместо ликования потребовали судить одержавших победу стратегов, обвинив их в святотатстве.

Святотатство же стратегов заключалось в том, что из-за сильной бури, разразившейся после сражения, не сумели они ни тонущих сограждан спасти, ни погибших

* В Ионии.

** Один из Кикладских островов Эгейского моря.

*** М е т е к и — поселенцы, иногородние по рождению, но живущие в Афинах и потому считавшиеся неполноправными.

**** Острова у западного побережья Малой Азии.

подобрать, дабы их похоронить, как то предписано религиозным обычаем.

Когда же вернулись стратеги домой — шестеро из десяти, ибо остальные предпочли отсидеться пока что за морем, — то демагог Калликсен и четверо других обвинителей потребовали в нарушение закона*, приговорить огульно всех стратегов к смерти.

И оказались в числе обвиняемых стратеги Аристократ и младший Перикл, только что похоронивший мать, Аспасию, до конца своих вдовьих дней посвящавшую себя воспитанию сына. И как ни доказывал Сократ, обращаясь к Собранию, незаконность огульного суда над стратегами, как ни упрекал сограждан в неблагодарности по отношению к Аристократу, которому обязаны в свержении «Четырехсот», как ни упрашивал пощадить, хотя бы из почтения к светлой памяти Перикла, единственного сына его, — никто и слушать не хотел. И тогда сказал Сократ галдящим афинянам с укоризной:

— Афиняне! Вы же счастливые победители, а не несчастные побежденные! Зачем же вам творить несправедливость, подвергая казни тех, кто принес вам победу?..

И потонули слова благоразумия в неистовых выкриках, топоте и свисте, и скорые на расправу афиняне стали слать угрозы Сократу и поддержавшему его Ферамену привлечь к ответственности заодно и их, чтобы-де не противились воле большинства.

Сократ же, безразличный к угрозам, властью, данной ему в тот день как дежурному притану — эпистату, — пресек беззаконие, и судилище не состоялось.

Но афиняне, в предчувствии поражения в войне охваченные подозрительностью, в каждом должностном лице готовые видеть предателя, не угомонились, и на следую-

* Специальным постановлением народного собрания (так называемая «Псефизма Каннона») требовалось, чтобы дело каждого обвиняемого рассматривалось отдельно.

щий день при другом, более стоворчивом эписпате, скорое на расправу Собрание проголосовало за смертную казнь всем шестерым, не пощадив и Перикла-младшего. И бросили закованных стратегов в тюрьму, выбитую в скалистом подножии холма Пникс, и в урочный час, на рассвете, простившись с рыдающими родственниками, выпил каждый узник чашу с цикутой *.

И говорил Сократ друзьям, сетующим на бессмысленную злобу афинян: «Разве вы их не знаете? Удовлетворив свою мстительность, они начнут теперь горько раскаиваться». И Сократ оказался прав: афиняне вскоре же раскаялись и повелели злобных обвинителей схватить, дабы привлечь их за обман к ответу, да только те успели бежать **. И, раскаявшись в жестокосердии, раскаялись потом в великодушии, что увенчали золотым венком и непомерной славой Алкивиада, негодуя на недавнего любимца, что медлит он разбить Лисандра, и грозили покарать его, не приняв и во внимание, что не снабдили его флот ни деньгами, ни продовольствием.

И, узнав о недовольстве афинян Алкивиадом, подняли его помощники мятеж на кораблях, бросивших якоря для добычи продовольствия у Эгоспостамов *** и отрешили стратега от должности.

Алкивиад же, видя намерение сограждан броситься в бой к стоявшему на рейде флоту Лисандра, стал уговаривать и умолять их не спешить, ибо нет на берегу Эгоспостамов ни гавани надежной, ни крепостных сооружений на случай отступления, и предлагал, пока не поздно, сменить негодную позицию. Но не слушали его мятежные матросы и, бросив ему в лодку личное его оружие,

* Ц и к у т а — ядовитый сок некоторых болотистых трав семейства зонтичных.

** По свидетельству историка Ксенофонта, главный из обвинителей-стратегов, Калликсен, получив позднее возможность вернуться в Афины, умер голодной смертью, всеми ненавидимый.

*** Устье впадающих в море одноименных рек на европейском берегу Геллеспонта (Дарданелл).

высадили на берег. И, кляня судьбу свою, бежал Алкивиад в Вифинию*, к персидскому сатрапу Фарнабазу, просить через него у Атаксеркса для Афин военной помощи, надеясь в случае успеха вновь завоевать любовь народа.

И, не прислушавшись к голосу разума, вещавшего устами Алкивиада, остались у Эгоспостамов афинские корабли и приняли бой, и были разбиты Лисандром наголову; лишь восемь триер, ускользнувших в суматохе сражения, добрались до Афин с горестным известием.

И не успели афиняне оплакать страшную потерю и погибших в битве родичей, как флотоводец Лисандр, в отместку за жестокости Филокла казнивший при Эгоспостамах всех афинских пленных (и самого Филокла среди них), двинул корабли в Пирей и осадил Афины, а гоплиты спартанского царя Павсания блокировали город с суши. И, сжатые в кольцо, не видя помощи извне, сдались изнуренные голодом афиняне.

И со всеми вместе горевал Сократ утратам родины, ибо, обреченные принять условия врага, распустили афиняне Морской союз, признали верховенство Спарты над Элладой, а детище Перикла, Длинные стены, подвергли разрушению...

Горче же всего была потеря демократии, ибо настояли победители, Лисандр с Павсанием, чтобы власть в Афинах взяли тридцать «лучших», олигархов. И утвердилось в городе правление «Тридцати», нареченное народом властью «Тридцати тиранов». Возглавил же олигархическую тиранию, вынырнув из политической тени, властолюбивый Критий, и одно условие поставил спартанскому царю — уничтожение того, кто может вернуть афинянам свободу, — Алкивиада. И через Спарту отдан был наказ союзнику спартанцев Атаксерксу, а от него — сатрапу Фарнабазу убить Алкивиада.

Изгнанник же Алкивиад в ожидании обещанной пер-

* Область Малой Азии между Босфором и Мраморным морем.

сами помощи скрывался во фракийском лесу, в своем укрепленном бревенчатом доме, и ночью, когда он спал в объятиях любимой, Тимандры, наемники сатрапа Фарнабаза, не рискуя взять укрепление штурмом, подожгли его со всех сторон. И когда Алкивиад, обмотав вместо щита свою левую руку плащом, а голову укутав одеялом, вдруг выскочил из пламени с мечом в одной руке и закутанной в тряпье Тимандрой в другой, в страхе отшатнулись от него наемники под защиту деревьев. И тогда Алкивиад, откинув Тимандру в кусты, встал спиной к пожарищу и, подняв свой меч, крикнул в лесную чащобу:

— Эй, вы! Если в ваших жилах кровь бойцов, а не вода убийц, выходи сразиться с афинским воином!

Но градом стрел ответили убийцы, и, проколотый летящей смертью, упал Алкивиад...

А наутро, умастив любимого благовониями, обернув его в белые одежды и водрузив на чело венок из листьев тамариска, похоронила его афинянка Тимандра и с печалью в душе тронулась в путь на родину.

И, услышав о конце Алкивиада, пожалел его Сократ, сказав друзьям: «Вот человек, в ком боги столько наметали всякого, и добродетельного и порочного, что хватило бы на десятерых обыкновенных людей. Для врагов он был непобедим, его сгубили собственные страсти. Умей он властвовать собой, он мог бы стать для афинян вторым Периклом. Мир праху его!»

И ревностно следил Сократ за другим великим честолюбцем, Критием.

Начав с убийства, глава «Тридцати» уже не мог остановиться, ибо страх быть низвергнутым каким-либо противником, боязнь убийц и отравителей толкали его на новые злодеяния, все более кровавые, так что многие вожди демократии и даже видные противники Крития из олигархов бросали семьи и бежали из Афин куда глаза глядят. К тому же устранение врагов выгодно было для

Крития обогащением: ведь изъятое у казненных имущество прежде других попадало в его алчные руки. И, оградив себя от случайностей надежной охраной, а власть свою — доношением сикофантов *, стал Критий недоступен даже для своих сторонников, и когда более уравновешенный и мудрый Ферамен, второй человек в правлении «Тридцати», осмелился спросить у Крития, не слишком ли много жертв и не пора ли прекратить судилища и казни, глава тирании сказал с колкой усмешкой:

— Ты очень наивен, Ферамен, если полагаешь, что только единоличная тирания требует жестких мер для своей защиты. То, что нас тридцать, а не один, несколько не меняет дела.

Когда же Ферамен, противник как крайней демократии с ее зависимостью государственных дел от стихии толпы, так и крайней олигархии с ее ущемлением свободы и жестокостью, дерзнул открыто выступить в совете «Тридцати» за установление умеренной олигархии, сказав:

— Я прежде был и теперь остаюсь сторонником такого правления, чтобы власть принадлежала тем, кто в состоянии защитить государство от врага, сражаясь на коне или в тяжелом вооружении **. И, чтобы исключить возможность мятежа, вызванного нашими крайностями, я предлагаю расширить совет «Тридцати» до возможно большего числа имущих граждан! — Критий, возмущившись, здесь же обвинил Ферамена в предательстве, ссылаясь на то, что он, Ферамен, толкает совет нарушить волю спартанцев, установивших власть «Тридцати», и тем самым ставит под угрозу независимость Афин...

И, обвинив в предательстве, двадцать девять тиранов

* С и к о ф а н т — профессиональный доносчик-шантажист в Афинах.

** Ферамен выступал за наделение политическими правами лишь имущих граждан, минуя свободных бедняков.



лишили Ферамена прав гражданства, распространявших-ся — по указу «Тридцати» — всего на три тысячи свободных.

И строптивый Ферамен, лишившись гражданства, уже без суда был приговорен тиранами к смертной казни...

Сократ же, сидевший в это время у портика, на агоре, и занятый беседой с Эсхином и Симмием, увидев Ферамена, в окружении усиленной охраны ведомого в тюрьму, кинулся с обоими учениками к нему и, громко созывая граждан на помощь, пытался вырвать узника из рук тюремных стражей. Но Ферамен, примеры стойкости



бравший с Сократа и мужественно сносивший приговор тиранов, сказал:

— Я глубоко тронут, друзья, вашей дружбой ко мне и мужеством вашим. Но для меня было бы величайшим несчастьем, если бы я оказался виновником смерти столь благородных людей. Прощайте!

И Сократ с учениками, не видя помощи запуганных граждан, отступились от стражников.

И, услышав затем, что смерть встретил Ферамен спокойно и даже насмешливо, что, осушив бокал с цикутой, он выплеснул остатки отравы на пол, как делают воз-

лияние богам афиняне на веселых пирушках, сказав при этом: «Это я дарю моему ненаглядному Критию!» — узнав об этом, восхитился Сократ стойкостью Ферамена и заметил друзьям:

— Он был не только «прекрасным и добрым» *, и не только мудрым государственным мужем, он был к тому же самым мужественным в сопротивлении беззаконию, а это важнее всего в добродетели! Мир праху его!..

И в ту же пору напасть пристала к доброму другу Сократа, Критону, кто в самые черные дни войны и блокады не раз спасал Сократову семью от голода. Напасть же заключалась в том, что начали преследовать его сикофанты Крития; и седобородый, лысоватый уже от прожитых лет, но моложавый лицом Критон признался однажды Сократу:

— Одолевают меня сикофанты, Сократ, спасу от них нет. Куда ни пойдешь, они за мной увяжутся. Где ни присядешь — и тут же они. То попрошайкой прикинутся, то затешутся среди гостей хозяина, пригласившего меня на обед, то нагло лезут в друзья, оглядываясь по сторонам, и нашептывают на ухо мне проклятия Критию, печалюсь об утраченной нами свободе. Играют прощачков, мошенники, не хуже актеров, и все это затем, чтобы выудить у меня ненароком какое-либо неосторожное слово. Я уж и на улицу боюсь выйти...

И сказал Сократ добродушно:

— Я думаю, Критон, что зарятся эти волки на твое немалое богатство. Но разве ты, как добрый хозяин, не вправе занять хорошего волкодава для спасения стада от своры волков?

Критон же, послушавшись совета, пригласил к себе знакомца одного, помогавшего ему в торговом деле, Архидема, человека молодого и смышленного и немало к тому же обязанного хозяину за милости с его стороны, и предложил ему стать «волкодавом». И, согласившись,

* Формула античного аристократического идеала.

выказал Архидем такое рвение на новом поприще, что, затесавшись в ряды сикофантов и открывши множество совершенных ими преступлений и имена оклеветанных ими, очень скоро заставил их прекратить преследование своего хозяина, а самого главного из них, которому разоблачение его делишек грозило телесным наказанием и крупным денежным штрафом, вынудил не только отступить от Критона, но внести еще и откупную плату самому «волкодаву»... И Сократ, узнав, чем кончилось противоборство волков с «волкодавом», долго, до слез, хохотал и радовался за Критона...

Сократ же не был столь осторожен на слово, как Критон, и, слишком часто подвергая себя опасности быть подслушанным, не уберется от доносительства. Однажды, уподобив в споре Крития негодному пастуху, спросил Сократ: «Пастух ли тот, кто уменьшает стадо?»... — и сикофанты немедля донесли о прозрачном намеке главе тиранов. В другой раз, узнав, что Критий вовлекает в свои гульбища афинских юношей, тем самым склоняя их к пороку, Сократ назвал его «свиньей», — и это тоже донесли хозяину. И, затаивши злобу на неугомонного старика, которому минуло в эту пору шестьдесят пять лет, вызвал его к тиранам сам Критий с помощником по особым делам Хариклом, и спросил, знает ли он о только что оглашенном законе, запрещающем беседы философов с молодежью. И Сократ сказал:

— Слышать-то я слышал о таком законе, да только хотел бы уточнить содержание запрета, чтобы правильной его исполнять...

И лупоглазый Харикл сказал:

— Мы готовы дать тебе любые разъяснения. Спрашивай!

И Сократ спросил, глядя на Крития, в свои пятьдесят с небольшим похожего на дряхлого старика от желчной подозрительности и пороков:

— Касаясь искусства речи, запрещает этот закон истинные суждения или ложные?..

И, усмехнувшись, промолчал Критий, ответил же Сократу Харикл:

— Да как ты не поймешь, что тебе запрещено отныне вести любые беседы с молодыми людьми!

— Хорошо, — сказал Сократ, — в таком случае чтобы не было у меня и здесь сомнений, то определите, до которого года нужно считать человека молодым?

— Пока у человека, — с важностью ответил Харикл, — по незрелости его рассудка, нет права выступать в совете. То есть тебе запрещено вести беседы с людьми моложе тридцати лет!

— Значит ли это, — спросил Сократ, — что если человек моложе тридцати продает что-нибудь, то и тогда мне не спрашивать, почему он продает?

— Об этом можешь спрашивать...

— А если юноша спросит меня, и я буду знать, где живет Харикл, отвечать мне или нет?

— Конечно, отвечать. Но ведь твои расспросы и ответы совсем другого рода! — И Харикл подозрительно прищурил мутный глаз.

И Критий, видя, что помощнику морочат голову, сказал, кольнув Сократа желчным взглядом:

— Короче говоря, Сократ, ты должен отказаться от этих дурацких сравнений государственных мужей с кожевниками, кузнецами, плотниками и прочим ремесленным людом. Я думаю, тебе самому эти сравнения набили оскомину.

Сократ же спросил:

— Но, отказавшись от этого, я должен, выходит, отказаться и от сравнения знания с незнанием, истинности с лживостью, доброты с жестокостью?..

И Харикл сказал:

— Именно от этих разговоров с молодежью ты и должен отказаться. — И добавил: — И от «пастухов» — тоже! Иначе гляди, чтобы тебе самому не уменьшить собой стадо овец этого пастуха! Ступай!

И, чувствуя угрозу расправы над собой, ушел Со-

крат, но бесед своих не прекратил. И тогда из боязни навлечь на себя гнев дельфийских жрецов, узаконивших мудрость Сократа, а также недовольство и своих спартапских повелителей, считавшихся с волей жрецов, тираны не решились устранить именитого мудреца, но, дабы навлечь на него гнев афинян, замыслили втянуть его в какое-либо грязное дело. И дело такое нашлось...

...Жил в Афинах уважаемый гражданин по имени Леонт, кто вместе с Никием и другими именитыми мужами подписал со Спартой мирный договор, после похода афинян на Сиракузы разорванный спартапцами, кто, будучи затем военачальником и флотоводцем, прославился многими блестящими победами над хиосцами и родосцами и кто в числе стратегов-победителей командовал афинским флотом в сражении при Аргинусских островах, после чего, благоразумно переждав за морем гнев афинян, казнивших шестерых стратегов, на родину вернулся, лишь когда сограждане раскаялись в содеянном.

И этого заслуженного человека, героя Пелопоннесской войны, тираны, страшась с его стороны возможного мятежа против них, решили казнить. И Критий, желая втянуть в это грязное дело Сократа еще и затем, чтобы внушить афинянам веру, будто расправа с Леонтом дело справедливое, раз в нем участвует мудрейший из эллинов, вызвал Сократа в Тол и приказал ему в числе пятерых старейших граждан отправиться на Саламин, чтобы доставить Леонта в суд.

И, видя бессмысленность каких-либо увещеваний Крития, молча выслушал Сократ приказ, но когда все пятеро вышли из Тола, он так сказал старейшим афинянам:

— Неужели вы, афиняне, так дрожите за ваши уже немолодые жизни, что соглашаетесь участвовать в этой гнусной расправе?

И старейшие ответили:

— Не так, Сократ, мы дрожим за свою жизнь, как

больше опасаемся за свои семьи, ведь тираны не остановятся, расправившись с нами, а начнут преследовать и наших сыновей, и наших внуков. Прости нас, Сократ! — и отправились в дорогу.

Сократ же, отделившись от них, побрел домой.

И доставили старейшие Леонта в суд, и был приговорен он по навету к смерти и казнен испытанием чаши с цикутой. Сократу же грозила кара за неповиновение властям, но, видно, боги этого не допустили, ибо в день, когда пришел к Сократу посланный с приказом явиться завтра в Тол, радостная весть разнеслась по городу: флотоводец Фрасибул, один из самых истинных сторонников народовластия, высадившись в Пирее и Мунихии, разгромил отряды олигархов и провозгласил в Афинах демократию; бесславный же глава тиранов Критий был убит в этом сражении...

И возрадовался Сократ падению кровавой тирании, но вскоре же и опечалился, узнав, что верховодит в народном собрании ставший демагогом кожевник Анит, тот самый рыжеволосый однокашник Сократа по гимнасию, кто потерпел позорное поражение от прекрасной Аспасии, состязаясь с нею в диалектике при рассмотрении парадокса Зенона.

С годами облысел Анит, рыжей оставалась у него лишь борода, а голова походила на голое колено. И хотя Анит из стихийной ненависти ко всем софистам, к которым причислял он и Сократа, уговорил еще до войны комедиографа Аристофана высмеять афинского Марсия в комедии «Облака» как словесного обманщика и дурака, Сократ не чувствовал к Аниту личной вражды. И только дивился, что афиняне сделали Анита вожаком лишь потому, что был он изгнан олигархами как демократ из города и, высадившись с Фрасибулом в Пирее, участвовал в свержении тирании «Тридцати».

Все ведь знали о нечестии Анита, все помнили, как в начале войны, командуя флотилией, послан был Анит для

спасения одной из морских крепостей, но, струсив, предпочел отсидеться за мысом, а крепость тем временем пала; его судили после, но он оправдался толстым кошельком... Как видно, старый хитрец сумел заговорить народ посулами и обещаниями возродить справедливую жизнь в Афинах.

И размышлял Сократ: чего же ради этот выходец из знатного рода Антемионов связал свои властолюбивые намерения с демократией? Не оттого ли, что ограниченность его ума не оставила ему надежд на главенство среди олигархов, тогда как для невежественных бедняков он вполне годился в демагоги?

И замечал Сократ: тая в душе озлобленность к аристократам, Анит, став вожаком народа, ни в чем не проявлял жестокости, наоборот: он сразу объявил амнистию противникам, и не только видным олигархам, но и самим оставшимся в живых во время мятежа тиранам и среди них даже Хариклу с его кровавыми руками, и принял к тому же закон, под страхом смерти запрещающий преследование олигархов.

«Слава богам, пришел конец кровопролитию в Афинах!» — радовались афиняне; простаки же, увидев в том заслугу своего вождя, прославляли доброту его души. И мало кто знал из сограждан, что умиротворение Анита исходит не из добродетели его, а из трезвого расчета — подольше насладиться властью, ибо Спарта, глаз не спускавшая с Афин, узнай она о расправе над олигархами, сейчас бы свергла народовластие...

И, владея множеством кожевен, которые ему вернул народ, будучи богат, Анит, подлаживаясь к беднякам, ходил в простом, суровой ткани хитоне, речи свои уснащал простонародными выражениями, многих бедняков знал в лицо и по имени. Запросто расхаживал по агоре, заглядывая на базар, останавливался поболтать с народом, расспрашивал знакомых о семье, здоровье, а, задабривая нищих и голодных, расплотившихся в войну во множестве, распорядился выставить для них у прита-

нея * котлы с горячей похлебкой, которой, бывало, и сам не гнушался отведать черпак, говоря для очереди бедняков: «Неплохо! Совсем неплохо».

Страждущих он успокаивал щедрыми посулами скорых перемен к богатой, сытой жизни, а пока что выдавал по жребию пособия нуждающимся, и те, кому посчастливилось выиграть вспоможение, кричали: «Слава Аниту!»

И пока Анит задабривал простолюдинов похлебкой, подачками и сладкими речами, демократы-богачи, в войну набившие себе карманы поставками оружия и снаряжения для войск и кораблей, все больше богатели на базарной спекуляции продуктами, и в то время как простой народ бедствовал, едва сводя концы с концами, богатеи в окружении прислужников-рабов жирели в роскоши и удовольствиях; и снова расцветал порок, и падала вера в богов у сограждан...

Но видел, замечал Сократ, как вместо пошатнувшейся веры в божественные установления пробуждается у афинян, особенно из молодежи, стремление найти источник всех несчастий и неравенства в Афинах; и устремился к страждущим, дабы вместе с ними в нескончаемых беседах о добре и зле, невежестве и знании, красоте и безобразии стараться в меру сил своих просвещать умы сограждан...

И, прослышав о Сократовых беседах, шли к нему на выучку все новые из любознательных: Гермоген, Аристодем, Федон, Критобул и самый юный из учеников Сократа Аполлодор, а также и другие; а за ними следом хлынули в Афины изгнанные прежде софисты, предлагая всем желающим уроки красноречия за плату.

И, научаясь мыслить по-сократовски, стремились подражать ему ученики и в добронравии, и поэтому ссор между ними не было; когда же постаревший и седой, но все еще горячий Эсхин поссорился с Критобулом, а кто-

* Общественное здание, где заседали (и кормились за счет государства) пританы.

то посторонний, желая укорить Эсхина, спросил его: «Куда же девалась ваша дружба с Критобулом?», то Эсхин ответил: «Она спит, но я разбужу ее», и, отираившись к Критобулу, спросил: «Неужели ты считаешь меня таким жалким и неисправимым, что я в твоих глазах не заслуживаю даже вразумления?» — «Нет ничего удивительного, — ответил ему Критобул, — что именно ты, стоящий выше меня во всех отношениях, первым понял и в этом случае, как надо поступить». И ссоры как не бывало.

С великой любовью к Сократу вкушали общение с ним ученики его, и даже те, кто по какой-либо причине отходил от учителя, не забывали его. И когда случилось киренянину Аристиппу, расставшись с Сократом, заработать в чужеземных городах кучу денег за уроки красноречия, то в подарок учителю прислал он двадцать мин *. Да только Сократ, сказав, что даймоний его запрещает ему принимать эти деньги, отослал их обратно, несмотря на брань и слезы Ксантippy, которой надоела вечная в доме нужда.

...Как-то раз шел Сократ по городу и, встретив в переулке приятного собой и скромного по виду молодого человека с живым, любознательным взглядом, загородил ему дорогу посохом и спросил:

— Не скажешь ли ты, любезный юноша, куда следует пойти за мукой и маслом?

И юноша бойко ответил:

— На рынок, конечно!

— А за мудростью? — спросил лукаво Сократ.

И удивленный юноша не нашел что сказать.

— Ступай за мной, я покажу, — пообещал Сократ и привел к своим друзьям нового ученика, Ксенофонта **.

* Мина — довольно крупная денежная единица, приравнивалась к 100 драхам, тогда как стоимость быка во времена Сократа составляла 50 драхм.

** Впоследствии великого историка древности, кроме исторических и философских сочинений, написавшего воспоминания о Сократе.

А вскоре обрел Сократ другого юношу-ученика, Аристокла по прозвищу Платон*, что значит «широкий», и встрече этой предшествовал сон Сократа, что будто сел ему на грудь птенец священной птицы лебедея и, вдруг покрывшись перьями, взлетел под небеса с дивным пением. И, проснувшись, все недоумевал Сократ, к чему бы этот сон, а на следующий день у театра Диониса, где он беседовал с друзьями, подошел к нему Платон, и, поговорив с ним, Сократ вдруг вспомнил сон и сказал Критону: «Вот он, мой лебедь!»

Грамоте учился Аристокл у некоего Дионисия, а гимнастике — у борца Аристана из Аргоса, который и дал ему прозвище Платон за крепость телосложения. И, выступая борцом, участвуя в Истмийских играх, призван был Платон мусическими музами для живописи и сочинения стихов и стихотворных драм, и в день, когда встретился с Сократом, нес он свою трагедию в театр, дабы выступить с ней в состязаниях, но, услышав беседу Сократа, так был поражен, что пришел домой и сжег свои сочинения, воскликнув словами Гомера:

— Бог огня, поспеши: ты надобен нынче Платону!..

И с той поры не отходил Платон от учителя.

И, выйдя из пределов Аттики, проникло почитание Сократа в чужеземные города, и, прислав к нему богатые дары, приглашали его погостить и царь Македонии Архелай, и правитель Краннона Скопас, и властитель Ларисы** Еврилох, и прочие другие. Но Сократ с улыбкой отвергал подарки владык и родину покинуть отказался, говоря:

— Правителям угодны льстецы, а я льстить не умею. Да и какая польза от странствий, если ты повсюду таскаешь самого себя?..

* Впоследствии крупнейший представитель античного идеализма.

** Города-государства Фессалии.

И гневалась Ксантиппа за отвергнутые дары, и корила его непрестанно, ибо, кроме первенца Софрониска, вступившего в седьмой год жизни, родила Ксантиппа в эту пору малыша Менексена, и требовалось быстро подрастающих детей кормить и одевать, доходы же Сократа от виноградника, осла, козы и десятка кур слишком были незначительны. И лишь один Критон умел утихомирить Ксантиппу кошельком с серебряными драхмами, тайными для Сократа, ибо денег он не принимал и от друзей, а лишь съестное вспоможение.